

В.Г. Андреева

**ПОЭТИКА УСАДЬБЫ В РОМАНЕ В. СТАРОВА
«ПЬЕР И НАТАША» (СОВРЕМЕННОМ «ПРОДОЛЖЕНИИ»
«ВОЙНЫ И МИРА» Л.Н. ТОЛСТОГО). СТАТЬЯ ПЕРВАЯ***

Аннотация

Работа посвящена осмыслению поэтики усадьбы в романе В. Старого «Пьер и Наташа», включающем два тома и вышедшем в издательстве «Вагриус» в 1996 г. Роман позиционирован автором как «продолжение» толстовской эпопеи, поэтому изображение усадебного мира не может быть рассмотрено без глубоких смысловых параллелей с «Войной и миром». При раскрытии внутренних соотношений первичного и вторичного текстов доказывается, что В. Старой не ограничился использованием героев и сюжетных линий эпопеи, а творчески использовал многие факты и события из жизни самого Толстого, а также элементы других его замыслов (как воплощенных, так и нереализованных). Использование толстовского текста В. Старым шло сразу по нескольким направлениям, писатель не только подхватывает временные рамки повествования, но и выбирает одну из близких классику тем – декабристскую, которой в этой статье уделяется большое внимание. Писатель спорит с толстовской философией истории, предлагая свое видение ключевых сил, движущих историю и влияющих на смену власти. В. Старым учтена ориентация писателя в поздний период на опрощение человека высшего класса и упрощение усадебной жизни. В. Старой пытается объективно взглянуть на усадебное прошлое своих героев, поэтому предметом внимания писателя оказываются не только достоинства, но нередко издержки усадебного существования первой половины XIX в., когда дворянские забавы переходили грань допустимого. В этой первой статье мы обозначим некоторые перегибы, а во второй статье обратимся к положительным сторонам усадебного бытия, которых в романе все-таки больше.

Ключевые слова

Василий Старой; Л.Н. Толстой; литературная адаптация; продолжение; поэтика усадьбы; декабристы.

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>.

V.G. Andreeva

**THE POETICS OF THE ESTATE IN V. STAROY'S NOVEL
"PIERRE AND NATASHA" (A MODERN "CONTINUATION"
OF L.N. TOLSTOY'S "WAR AND PEACE"). THE FIRST ARTICLE****

Abstract

This paper explores the poetics of the estate in V. Staroy's novel "Pierre and Natasha", published in two volumes by Vagrius in 1996. The author positions the novel as a "continuation" of Tolstoy's epic, and thus its depiction of the estate world cannot be examined without drawing profound semantic parallels with "War and Peace". By uncovering the internal relationships between the primary and secondary texts, it is demonstrated that V. Staroy didn't limit himself to using the characters and plotlines of the epic, but creatively incorporated many facts and events from Tolstoy's own life, as well as elements of his other plans (both realized and unrealized). Staroy's use of Tolstoy's text proceeded in several directions simultaneously. The writer not only embraces the narrative's timeframe but also selects one of the classic's themes – the Decembrist themes, which receives considerable attention in this article. The writer challenges Tolstoy's philosophy of history, offering his own perspective on the key forces driving history and influencing changes in power. Staroy takes into account the writer's late-period focus on simplifying the upper class and simplifying estate life. Staroy attempts to objectively examine his characters' estate-based pasts, and thus focuses not only on the virtues but also, often, on the downsides of estate life in the first half of the 19th century, when noble pleasures crossed the line. In this first article, we will highlight some of the excesses, and in the second, we will turn to the positive aspects of estate life, which are, however, more prevalent in the novel.

Keywords

Vasily Staroy; L.N. Tolstoy; literary adaptation; continuation; poetics of the estate; Decembrists.

Как правило, исследования поэтики усадьбы XVIII–XIX вв. в литературе связаны с осмыслением того, каким образом писателями прошлых столетий понималась и претворялась в художественных мирах жизнь в имениях и усадьбах, как она оценивалась ими в плане развития и становления личности, возможностей ее взаимодействия с широким кругом людей, участия в семейной и общественной жизни. Не менее интересным и достаточно малоизученным в науке является ретроспективное изображение усадебной жизни современными писателями. Данная статья посвящена осмыслению поэтики усадьбы в романе В. Старого «Пьер и Наташа», включающем два тома и вышедшем в издательстве «Вагриус» в 1996 г. Важной особенностью является то, что творческое изображение усадебного мира в указанном романе не может быть рассмотрено без соотношения, без интеллектуальной корреляции с романом-эпопеей Л.Н. Толстого «Война и мир», поскольку «Пьер и Наташа» названы автором «продолжением» толстовской эпопеи.

Василий Старой – это псевдоним, под которым писали Александр Степанович Старостин (1936–2007) и Лариса Николаевна Васильева (1935–2018).

** The research was carried out at IWL RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation no. 22-18-00051-P (<https://rscf.ru/project/22-18-00051/>).

Принципиально важен при прочтении романа тот факт, что авторы сами сделали акцент на продолжении толстовского произведения, дав это указание и на форзацах, и на титульных листах книг. В. Старой использует героев Толстого: Пьера и Наташу, Николая Ростова и ставшую его женой Марью, делает их своими персонажами, а при этом нередко обращает их к воспоминаниям о прошлом, организуя связь с толстовской эпопеей.

В задачи данной двухчастной работы не входит идейное осмысление романа «Пьер и Наташа», нашей целью является анализ ключевых характеристик усадебного топоса, понимание поэтики усадьбы, ее места и значения в романе. Однако последнее невозможно без прояснения глубинной связи двух художественных произведений, которые, используя терминологию литературной адаптации, можно назвать первичным и вторичным текстами.

Появление романа В. Старого и его издание в непростое для России время, наличие его в библиотеках уже примечательны сами по себе. Факт появления литературной адаптации, продолжения романа-эпопеи позволяет сделать вывод о необходимости нового осмысления классической литературы в эпохи перемен и социально-экономических сломов:

Адаптации 1990-х – начала 2000-х принесли с собой опыт немиметического освоения классики, опыт попыток обжить и оживить ее – опыт пародии, сомнения в клишированности «высокой духовности» – и вместе с тем опыт обнаружения в классике актуальности, злободневности [Федорова 2022, 22].

Исследователями написано немало работ, посвященных вторичным текстам, связанным с классикой. Но необходимо учитывать объем, специфику, художественный уровень и характер связи вторичного текста с первичным. В.В. Петров справедливо отметил, что «первые читательские тексты по мотивам русской литературы представляли собой профессиональные переработки, продолжения классики» [Петров 2019, 100]. Ключевой акцент в рассуждении о переработках и адаптациях конца XIX – начала XX в. необходимо сделать на идейной стороне и борьбе мнений. А.Ю. Кудина рассматривает проблему вторичных текстов, наиболее пристальное внимание уделяет как раз «продолжениям», подчеркивая, что в современных работах ученых «...практически не затрагивается проблема “текстов-продолжений”, то есть текстов, которые являются продолжениями известных оригинальных произведений, ставших, как правило, каноническими, многие из которых являются не только признанными шедеврами национальных литератур, но и оказываются плотно вплетенными в целом в текст культуры, как национальной, так и мировой» [Кудина 2017, 143].

Примечательна возможность «перекочевывания героев в другие культурные эпохи», о которой пишет Ю.Б. Балашова [Балашова 2016, 54]. То есть может возникать ситуация, когда персонажи, жившие в исходном тексте в определенной эпохе, переносятся автором вторичного текста в иное время. В романе В. Старого временного сдвига не происходит, автор «подхватывает» героев на том временном промежутке, где их «оставил» Толстой. В эпилоге «Войны и мира» писатель доводит повествование до 1820 г., перескакивая с 1813–1814 гг. к 1820-м гг. и упоминая, прежде всего, настоящее двух семей: Безуховых и Ростовых. Николай и Марья живут в Лысых горах. Пьер

и Наташа, как сообщает Толстой в эпилоге, живут то в Москве, то в Петербурге, то в подмосковной деревне: «Наташа вышла замуж раннею весной 1813 года и у ней в 1820 году было уже три дочери и один сын, которого она желала и теперь сама кормила» [Толстой 1928–1958, XII, 265]. В самом финале «Войны и мира» новорожденному мальчику Наташи и Пьера, Пете, всего три месяца. Повествование в романе В. Старого начинается летом 1825 г., спустя примерно пять лет после оставленных в эпилоге в 1820 г. героев, причем автор внимательно выверяет все факты и даты, относящиеся к толстовским и далее уже его персонажам. Маленькому Пете в это время исполняется пять лет.

Использование толстовского текста В. Старым шло сразу по нескольким направлениям. Писатель не только «заимствует» героев Толстого, подхватывает временные рамки повествования, но и выбирает одну из близких классику тем – декабристскую. Интересны находки В. Старого, связанные с представлением и описанием образов декабристов, но скрытая «рифмовка» с видением и планами Л.Н. Толстого может быть понята только исследователями, погруженными в проблематику творческих исканий классика.

Кроме того, В. Старой спорит с толстовской философией истории, предлагая свое видение ключевых сил, движущих историю и влияющих на смену власти. Толстой главной движущей историей силой в романе-эпопее считал народную волю, при этом у него вопрос о власти не ставился во главу угла, он отодвигался вопросом о судьбе народа и страны. У В. Старого в свете рассмотренного в романе конфликта власти и общества (декабристов) на первый план выходит проблема власти и неспособности народа повлиять на ее выбор или смену:

Как ни играй лукавый словами, ссылаясь на народ, на его зрелость или незрелость, – он всегда и зрел, и незрел, – как ни взвешивай его готовность или неготовность к решительному действию, как ни тверди, что декабристы были страшно далеки от народа, будто те, кто спустя век заняли Зимний дворец, были страшно близки к нему, – все факты российской истории говорят одну упрямую повторяемую и простую истину, которой никто не желает замечать: народ никогда не играл и не играет никакой роли при захвате власти (курсив автора романа – В.А.) [Старой 1996, I, 477].

Именно в контексте всех этих сложных сцеплений с толстовским художественным миром и необходимо рассматривать роман «Пьер и Наташа», реализованные в нем усадебные образы, которые являются не просто важным элементом изображаемой эпохи, но и своеобразными ее маркерами, наполняемыми современным автором глубоким смыслом.

В предисловии к произведению, данном якобы «от издательства», подчеркивается, что роман «Пьер и Наташа» – «это вовсе и не продолжение, а скорее фантазия на тему “Войны и мира”», «а может быть, исторический роман о декабристах, где наравне с реальными историческими личностями действуют и герои толстовского романа» [Старой 1996, I, 5]. Интересно и не скучно написанный, «Пьер и Наташа» неоднороден с точки зрения мастерства, он не имеет той художественной высоты, удивительного слога, которые были характерны для Толстого. Однако при неоднородности художественного текста и некоторых явно провокационных сценах, связанных с историческими лицами, фактами и реалиями, необходимо отдать должное В. Старому в том, что у него

в романе получает глубокое и интересное воплощение сюжет о восстании декабристов, реализуются и частично опровергаются существующие мифы о декабристах, их участии в восстании на Сенатской площади (см.: [Парсамов 2016]).

Кроме того «Пьер и Наташа», помимо явных параллелей с «Войной и миром», для образованного и понимающего читателя или литературоведа все-таки соотносятся при чтении и со всеми творческими исканиями Толстого, с фигурой классика, его поисками, образом жизни, наконец, даже с его уходом.

Тема декабризма интересовала Толстого долгое время, она просматривается в эпилоге «Войны и мира», она разрабатывалась автором и далее:

Но только в эпилоге «Войны и мира» тема декабристов снова заявила о себе со всей очевидностью. Писатель не считал ее вполне освоенной, в 1870-х гг. он снова вернулся к «декабристскому» замыслу. Но особенно увлекла его эта работа после окончания в 1877 г. романа «Анна Каренина», когда в 1878–1879 гг. было написано подавляющее большинство из пятнадцати сохранившихся «начал» «декабристского» романа [Феномен эпического романа... 2022, 101].

Можно предположить, что работа над романом о декабристах, которая растянулась у Толстого фактически на два десятилетия, вступила в противоречие со взглядами писателя на историю и роль народа в ней. Вероятно, Толстой понял, что декабризм не был идейным и целостным движением дворянства, но объединил к 1825 г. по-разному думавших, но схоже относившихся к власти и обществу молодых людей, главной целью которых было продвижение своих интересов. Именно поэтому Толстой не смог продолжить работу над романом о декабристах. М.А. Цявловский отметил, что писатель в определенный момент погрузился в чтение записок самих участников движения, которые, как можно предположить, и открыли Толстому их разобщенность:

В последний период работ его над романом – с декабря 1878 г. по начало февраля 1879 г. – Толстой, кроме напряженной, можно сказать, мучительной работы обдумывания, был занят почти исключительно чтением материалов и выписками из них. Так, вероятно, к этому времени нужно отнести записи на листах А и Б, основанные на главе: «Мое пребывание в России с 1816 по 1824 г.» книги Н.И. Тургенева «Россия и русские», на пятой и шестой частях воспоминаний Ф.Ф. Вигеля и на других материалах [Цявловский 1936, 511–512].

В. Старой, нередко используя иронию, делает Пьера Безухова одним из первых, но самых спокойных и умеренных участников декабристского движения, который на Сенатской площади появился в силу своего праздного интереса. В «Войне и мире» у Толстого не оказалось героя, который бы проделывал путь из центральной части России в Сибирь. Однако вектор с запада на восток был прочерчен, при отступлении в 1812 г. русская армия оставила Москву и устремилась далее на восток. Наличие огромного пространства до Урала и далее Сибири, Дальнего Востока давало русским преимущества для сбора сил и восстановления. И поступок юной графинечки Наташи Ростовской, отдавшей подводу для перевозки раненых, прекрасно зарифмовался в эпическом

художественном мире Толстого с позицией Кутузова. Русским войскам тогда не пришлось отступать далеко, однако Отечественная война показала, что Россия – это не только Европа, но еще и Азия. Путь через всю Россию, из Петербурга в Томск, продуманный им ранее на примере Петра Лабазова (героя-декабриста, возвращавшегося из Сибири в центральную Россию в ранних черновых материалах к будущим «Войне и миру»), Толстой все-таки реализовал позднее, в романе «Воскресение».

В «Пьере и Наташе» мы видим путь декабристов и конкретно Пьера Безухова в Сибирь, за которым отправляется Наташа Ростова (в романе она осуществляет подвиг жены-декабристки, выступая в роли княгини Волконской). И этот отъезд из дома, пусть не побег, конечно, а вынужденный отъезд все-таки соотносится читателем и с дорогой следующего за Катюшей Масловой Нехлюдова, и с уходом из дома самого Толстого. Необходимо отметить, что и декабристки, и Наташа в романе В. Старова, и Дмитрий Нехлюдов у Толстого оставляют в прежней жизни те покой и комфорт усадебной жизни, к которым они так привыкли: «Нехлюдов отказывается от жизни в имении именно потому, что этого требуют новые условия и путь к эпической широте народного мира» [Андреева 2021, 150].

При изображении прозрения Наташи, которое происходит все-таки по пути в Сибирь, В. Старой очень отдаленно, но осязаемо обозначает открытия Дмитрия Нехлюдова в «Воскресении» (и отчасти самого Толстого). Современный писатель вслед за Толстым, лучше даже сказать – обращаясь к его произведениям для осмысления эпохи и ее противоречий, показывает, что мир господ живет по своим законам, а мир народный – совершенно по другим. Наташа у В. Старого в силу своей натуры, обостренной телесной чувствительности, а не глубокого анализа, конечно, не может рассуждать так, как Дмитрий Нехлюдов, который противопоставляет господскому расчету – непреложные Божьи законы, сохраненные народом:

Все дело в том, что люди эти признают законом то, что не есть закон, и не признают законом то, что есть вечный, неизменный, неотложный закон, сами богом написанный в сердцах людей», а «праздному и роскошному миру» «с ничтожными, жалкими интересами» – «новый, неизвестный и прекрасный мир» [Толстой 1928–1958, XXXII, 351, 361].

Однако Наташа у В. Старого, общаясь с простыми людьми, осознает: «Наш господский мир снисходителен к ним с высоты своих титулов, но и они снисходительны к нам с высоты тех законов природы, согласно которым живут. А ведь титулы перед законами природы – ничто» [Старой 1996, II, 468].

Образ Наташи еще и помогает В. Старому выразить собственный взгляд на народ, который писатель с помощью сначала толстовской, а далее уже своей героини оценивает не так возвышенно, как «поздний» Толстой: Наташа говорит о природном, но не о «Божеском» начале в народе. Лишь в финале второго тома романа В. Старого происходит прозрение героини, которая вдруг понимает, что раньше они «жила дурно: лениво, серо, бессмысленно» [Старой 1996, II, 470]. Изменившаяся Наташа Безухова выражает в романе В. Старого по сути дела взгляды Толстого в поздний период творчества, когда писатель много думал о форме новой усадьбы – «частном доме на лоне природы», под влиянием трудов восточных философов, предлагаемых ими образцов жизни «радел

за упрощение быта, самостоятельную организацию его владельцами усадьбы, непереносимое наличие земледельческих работ» [Андреева 2025].

На протяжении всего первого тома писатель рисует прекрасную усадебную жизнь Безуховых, второй том во многом посвящен изображению нахождения Пьера под стражей, расследования по делу декабристов, придворным вопросам, и лишь к финалу романа, теряя все свои дворянские права, Наташа понимает, что она просто человек, блуждающая по жизни душа, сущность которой не определяется дворцами и титулами.

С точки зрения изображения усадебного благополучия и в целом мировоззрения главных героев можно говорить о противопоставлении финала романа, заключительных двух глав, всему произведению. Причем только после завершения чтения романа В. Старого становится понятна еще одна значимая рифма с толстовскими представлениями. В. Старой не претендует на историческую достоверность в изображении событий, часто существующее в исторической науке в виде версий становится у писателя ключевой линией. Примером может быть судьба Александра I, который у Старого имитирует свою смерть и скрывается. В данном случае В. Старой использует не только историческую легенду, но идет вслед за Толстым как автором «Посмертных записок старца Федора Кузьмича» (1905), показывая, что вместо Александра I был похоронен солдат, на смерть забитый шпицрутенами. В художественном мире романа В. Старого рифмуются судьба Александра I, оставляющего трон и сбегающего в Сибирь под видом старца, судьба Наташи Безуховой, отказывающейся от титула и семьи, от детей и отправляющейся в Сибирь за мужем-декабристом. Наконец, и сам Толстой в финале жизни более всего хотел сказать то, что когда-то произнес его герой, оказавшийся в Сибири и ухаживающий за больными отец Сергей, что он только «раб Божий».

В. Старой пытается объективно взглянуть на усадебное прошлое своих героев, поэтому предметом внимания писателя оказываются не только достоинства, но нередко издержки усадебного существования первой половины XIX в., когда дворянские забавы переходили грань допустимого. В этой первой статье мы обозначим некоторые перегибы, а во второй (следующей) статье обратимся к положительным сторонам усадебного бытия, которых в романе больше.

Так, писатель демонстрирует тот случай, когда неограниченная власть помещика приводила к мании величия. Е. Власова отметила, что «после Отечественной войны 1812 года число крепостных театров значительно сократилось. Театральные усадебные увеселения начали приобретать новые формы» [Власова 2016, 93]. В «Пьере и Наташе» демонстрируется одна из игровых крайностей помещика, который любил переодевания:

Помешался на придворных церемониях, воображает себя царем, а своих крестьян подданными. У него есть гофмаршалы и камергеры, камер-юнкеры, фрейлины и даже статс-дама, толстая дама-попадья. Она носит на груди род ордена – миниатюрный портрет хозяина, усыпанный аквамарином, а, может, и стеклами. Этот «царь» устраивает особые балы, где дамы из крестьянок ходят в атласных платьях с галунами и бутафорскими шифрами, делают реверансы, а он позволяет им целовать свою руку [Старой 1996, I, 240].

Но еще примечательнее, каким образом В. Старой вписывает толстовских, а теперь и своих героев в круг этих вольностей. Николай Ростов, по словам

Марьи, поддерживает с этим помещиком приятельские отношения и даже лихо отплясывает у него. Прочитав об этом в письме Марьи, Наташа и сама загораются идеей гулянья. Толстовская сцена пляски Наташи у дядюшки преобразуется у В. Старого: теперь повзрослевшая героиня не поэтически вписывается в реальность, где гармонично соседствуют дворянское и крестьянское начала, а сама жаждет организовать праздник: «Хорошо! – подумала Наташа. – Хорошо бы закатиться к этому “царю” и сплясать “Барыню”. Рождественская ночь, Святки, ряженые...» [Старой 1996, I, 240].

Однако этот факт можно оценить и положительно: он показывает наличие в Наташе особенной инициативы и даже отражает необходимость опрощения, так необходимого героям, имеющим в себе «толстовское» зерно. Е.С. Шевченко справедливо отметил, что «художественная антропология русской усадебной жизни базируется на гармоничном сосуществовании дворянского и крестьянского миров, самодостаточных и в то же время остро нуждающихся друг в друге, дополняющих друг друга. Антропологическим кодом русской усадьбы является единство этих двух миров» [Шевченко 2024, 42].

Преимущественное внимание поэтике усадьбы уделено В. Старым в первом томе романа, при описании размеренной жизни семей, которых еще не коснулись несчастья. Самая большая беда, переживаемая Ростовыми, связана с самоубийством их сына-подростка, Андрюши, который застрелился из отцовского пистолета около усадебной плотины. Автор романа демонстрирует, что внешне благополучная жизнь помещика Николая Ростова и его набожной жены графини Марьи имеет изнаночную сторону. Она связана с изменами Николая жене, его непреодолимой тягой к любовнице-крестьянке, с холодностью графини Марьи, которая не может удержать мужа. В художественном мире романа ярко реализуется мотив самодурства помещика, мотив распушенности. И в какой-то момент графине Марье не хватает понимания, чтобы осмыслить движения души и колебания уже подросткового сына, она просматривает внутренний кризис сына. А граф Николай Ростов и вовсе считает, что главное дело заключается в физическом становлении мальчика, что его переживания вторичны.

Наташе казалось, что «у Ростовых хорошие дети, оттого что растут в деревне, нет на них пагубного влияния петербургского двора» [Старой 1996, I, 238]. Наташа, находясь в Москве и Петербурге, нередко вспоминает о деревне и тех забавах, которые открываются детям на лоне природы. Исследователи усадеб отмечают, что детство, проведенное в деревне, положительно влияло на подрастающих дворян:

В деревне ребенок часто взаимодействовал с простыми людьми. На Невский год устраивалась елка, куда созывались деревенские ребята, где они вместе с дворянами и их гостями водили хороводы у елки, получали подарки и дружной толпой шли пить чай. На Пасхальные торжества все молились так же в одной церкви, и стар, и млад, независимо от сословий и социальных статусов, вместе стояли на заутренней, вместе участвовали в гуляниях и играх [Клоос 2022, 86].

Между тем маленький Андрюша Ростов остается непонятым, не вовлеченным в мир радости и жизненной простоты, который должны были показать старшие своим примером. В трагедии повинны родители Андрюши:

увлекающийся внешними факторами граф Ростов и отрешенная от жизни, думающая о праведности графиня Марья. В давно устоявшемся усадебном порядке бытия, в обилии помощников и воспитателей родители нередко не вникали в проблемы ребенка, не считая их важными.

Еще одна драма разворачивается в семье Безуховых, когда Пьер ставит интересы личные и собственные увлечения выше семьи. Л.Н. Зинченко справедливо отметила, что «с самого момента своего рождения усадьба в России была противовесом службе и карьере, культурно-художественной формой проявления личной и родовой независимости, что выразилось в культе просвещения, в “поклонении изящному”, в понимании жизни как праздника» [Зинченко 1997, 50]. Пьеру недостаточно спокойной жизни, хозяйствования, его притягивает общественная деятельность. В Старой показывает внутренний конфликт Безухова, который, считая большинство обществ, в том числе и декабристское, фактически бесполезными, все-таки тянется к ним. Как и у Толстого в финале романа-эпопеи, у В. Старова Пьер совсем не похож на заговорщика и человека, посягнувшего на жизнь императора. А.В. Гулин отметил: «Безухов – очень странный декабрист, не заговорщик, не политик. Он человек, всем без исключения желающий добра, каким он его себе представляет, каким он понял его в 1812 г.» [Гулин 2021, 103]. В Старой изображает Пьера кабинетным философом, который занимал в обществе значимые позиции, но постоянно метался между разными станами.

Соединение собственного видения и изображения эпохи с вовлечением в действие романа толстовских героев позволило В. Старому прийти к очень интересным выводам, поданным через художественные образы. Писатель показывает хаотичные, мало слаженные действия декабристов, руководимых не общими идеями, а личностными планами и чувствами, при этом Пьер в романе попадает в самую гущу событий, забывая о семье, которую он очень любит: «Солдаты оцепления, увидев Пьера, устремленного к каре с шапкой на отлете, не сделали ни малейшей попытки остановить его: он вел себя так, словно закон писан не для него» [Старой 1996, I, 447]. Не замышлявший убийства императора или причинения царской семье какого-либо вреда, не покушавшийся на государственную власть, Пьер, подвижимый просто любопытством, оказывается на Сенатской площади.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева В.Г. Л.Н. Толстой об усадьбе XX в.: от «цивилизации машин» к новому природному дому восточного типа // Два века русской классики. 2025. Т. 7. № 3. С. 298–327.
2. Андреева В. Г. Усадьбы в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 2. С. 144–154.
3. Балашова Ю. Б. Феномен «дописывания»: социальная и авторефлексивная функция // Русская литература и журналистика в движении времени. 2016. № 1. С. 52–62.
4. Власова Е. Симфония перемен, или досуг в русской усадьбе галантного века // Мир искусств: Вестник Международного института антиквариата. 2016. № 2 (14). С. 88–94.
5. Гулин А.В. Декабристы в эпическом отображении Л. Н. Толстого и Н.А. Некрасова // Два века русской классики. 2021. Т. 3. № 2. С. 96–119.
6. Зинченко Л. Н. Ностальгическая тема усадьбы в русской литературе // Культура и текст. 1997. № 2. С. 50–54.

7. Клоос Э.В. Воспитание дворянских детей в условиях загородной усадьбы // Смысл истории: журнал историческо-философского общества. 2022. № 4. С. 81–90.
8. Кулина А.Ю. «Текст-продолжение» как разновидность вторичных текстов: к постановке проблемы // Филология и просветительство. Научное, педагогическое, краеведческое наследие Н. М. Лебедева: Тверь: СФК-офис, 2017. С. 140–146.
9. Парсамов В.С. Декабристы и русское общество 1814–1825 гг. М.: Алгоритм, 2016. 461 с.
10. Петров В.В. Авторские стратегии интерпретации русской классики в англоязычном сообществе фикрайтеров // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Т. 5. № 3 (19). С. 100–116.
11. Старой В.В. Пьер и Наташа. Роман: в 2 т. М.: Вагриус, 1996.
12. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Художественная литература, 1928–1958.
13. Федорова Л. Адаптация как симптом: русская классика на постсоветском экране. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 368 с.
14. Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский / под науч. ред. В. Г. Андреевой. Кострома: Костромской государственный университет, 2022. 512 с.
15. Цявловский М.А. История писания и печатания романа «Декабристы» // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 17. М.: Художественная литература, 1936. С. 469–527.
16. Шевченко Е.С. Ценностные коды усадьбы в русской литературе // Русская литература в России и мире – III: материалы международной научной конференции, посвященной 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина (Улан-Удэ, 17–19 октября 2024 г.) / отв. ред. В.В. Башкеева. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2024. С. 40–46.

REFERENCES (Articles from Scientific Journals)

1. Andreeva V.G. L.N. Tolstoy ob usad'be XX v.: ot "tsivilizatsii mashin" k novomu prirodnomu domu vostochnogo tipa [L.N. Tolstoy on the 20th-Century Estate: From the "Civilization of Machines" to a New Natural House of the Eastern Type]. *Dva veka russkoy klassiki*, 2025, vol. 7, no. 3, pp. 298–327. (In Russian).
2. Andreeva V. G. Usad'by v romane L. N. Tolstogo "Voskreseniye": ot oblicheniya roskoshi k zhizni na zemle [Estates in L. N. Tolstoy's Novel "Resurrection": From the Denunciation of Luxury to Life on the Land]. *Filologicheskiy klass*, 2021, vol. 26, no. 2, pp. 144–154. (In Russian).
3. Balashova Yu.B. Fenomen "dopisyvaniya": sotsial'naya i avtorefleksivnaya funktsiya [The Phenomenon of "Writing to the End": Social and Autoreflexive Function]. *Russkaya literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni*, 2016, no. 1, pp. 52–62. (In Russian).
4. Gulina A. V. Dekabristy v epicheskom obozrazhenii L. N. Tolstogo i N. A. Nekrasova [The Decembrists in the Epic Portrayals of L. N. Tolstoy and N. A. Nekrasov]. *Dva veka russkoy klassiki*, 2021, vol. 3, no. 2, pp. 96–119. (In Russian).
5. Kloos E. V. Vospitaniye dvoryanskikh detey v usloviyakh zagorodnoy usad'by [Education of Noble Children in the Conditions of a Country Estate]. *Smysl istorii: zhurnal istoricheskoy-filosofskoy obshchestva*, 2022, no. 4, pp. 81–90. (In Russian).
6. Petrov V. V. Avtorskiye strategii interpretatsii russkoy klassiki v angloyazychnom soobshchestve fikrayterov [Authors' Strategies for Interpreting Russian Classics in the

English-Speaking Community of Fanfiction Writers]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanities*, 2019, vol. 5, no. 3 (19), pp. 100–116. (In Russian).

7. Vlasova Ye. Simfoniya peremen, ili dosug v russkoy usad'be galantnogo veka [Symphony of Changes, or Leisure in a Russian Estate of the Gallant Age]. *Mir iskusstv: Vestnik Mezhdunarodnogo instituta antikvariata*, 2016, no. 2 (14), pp. 88–94. (In Russian).

8. Zinchenko L. N. Nostal'gicheskaya tema usad'by v russkoy literature [The Nostalgic Theme of the Estate in Russian Literature]. *Kul'tura i tekst*, 1997, no. 2, pp. 50–54. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

9. Kudina A.Yu. “Tekst-prodolzheniye” kak raznovidnost' vtorichnykh tekstov: k postanovke problem [“Continuation Text” as a Type of Secondary Texts: Toward a Problem Statement]. *Filologiya i prosvetitel'stvo. Nauchnoye, pedagogicheskoye, kraevedcheskoye naslediyе N. M. Lebedeva* [Philology and Education. The Scientific, Pedagogical, and Local History Heritage of N. M. Lebedev]. Tver, SFK-ofis Publ., 2017, pp. 140–146. (In Russian).

10. Shevchenko Ye.S. Tsennostnyye kody usad'by v russkoy literature [Value Codes of the Estate in Russian Literature]. Bashkeyeva V.V. (Ed.). *Russkaya literatura v Rossii i mire – III: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 225-letiyu so dnya rozhdeniya A. S. Pushkina (Ulan-Ude, 17–19 oktyabrya 2024 g.)* [Russian Literature in Russia and the World – III: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 225th Anniversary of the Birth of Alexander Pushkin (Ulan-Ude, October 17–19, 2024)]. Ulan-Ude, Dorzhi Banzarov Buryat State University Publ., 2024, pp. 40–46. (In Russian).

11. Tsyavlovskiy M. A. Istoriya pisaniya i pechataniya romana “Dekabristy” [History of the Writing and Printing of the Novel “The Decembrists”]. Tolstoy L. N. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works]: in 90 vols. Vol. 17. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1936, pp. 469–527. (In Russian).

(Monographs)

12. Andreeva V.G. (Ed.). *Fenomen epicheskogo romana v russkoy literature vtoroy poloviny XIX veka: I.A. Goncharov, I.S. Turgenev, L.N. Tolstoy, F.M. Dostoyevskiy* [The Phenomenon of the Epic Novel in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century: I.A. Goncharov, I.S. Turgenev, L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2022. 512 p. (In Russian).

13. Fedorova L. *Adaptatsiya kak simptom: russkaya klassika na postsovetском ekrane* [Adaptation as a Symptom: Russian Classics on the Post-Soviet Screen]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2022. 368 p. (In Russian).

14. Parsamov V. S. *Dekabristy i russkoye obshchestvo 1814–1825 gg.* [The Decembrists and Russian Society of 1814–1825]. Moscow, Algoritm Publ., 2016. 461 p. (In Russian).

Андреева Валерия Геннадьевна,

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.

Научные интересы: русская литература XIX в., русский роман, творчество Л.Н. Толстого, литературные иерархии.

E-mail: lanfra87@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4558-3153

Valeria G. Andreeva,

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Doctor of Philology, Leading Research Fellow.

Research interests: Russian literature of the 19th century, Russian novel, works of L.N. Tolstoy, literary hierarchies.

E-mail: lanfra87@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4558-3153